

Пётр Рябов

Михаил Катков или Идеология Охранки: по поводу одного сборника статей*

«Великий русский мыслитель»?

Как для зрителя театр начинается с вешалки, так и для читателя книга начинается с предисловия. Предисловие книги *Идеология охранительства* переполнено эпитетом «великий»¹. Ю.В.Климаков именует Михаила Никифоровича Каткова (1818-1887) «великим русским публицистом», «великим русским мыслителем и государственным деятелем». Сборник вышел в серии «Русская цивилизация», представляющей «самые выдающиеся книги русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения», – среди которых есть Иван Грозный, Константин Леонтьев, Иван Ильин, Игорь Шафаревич и Иоанн Кронштадтский, но нет ни Льва Толстого, ни Александра Герцена, ни Петра Чаадаева, ни Александра Меня... Что ж, эталон «величия» отсутствует в природе, и никому не возбраняется злоупотреблять этим словом. Я бы, со своей стороны, подобно шварцевскому министру из «Обыкновенного чуда», «восставшему» против своего короля, назвал Каткова «просто выдающимся», а отнюдь не великим. Однако автор предисловия Ю.В.Климаков сообщает (с.22): «С Михаилом Никифоровичем Катковым в русскую жизнь пришло такое совершенно новое понятие, как политическая печать». Не слишком ли сильное заявление? Даже попытки издавать официоз, разрабатывающий идеологию власти предпринимались и ранее (вспомним журнал *Всякая всячина* Екатерины II и журнал незабвенных Н.Греча и Ф.Булгарина). А *Отечественные записки* времён Белинского? А *Современник* Некрасова и Чернышевского? А *Колокол* Герцена и Огарёва?

Не буду придираюсь к технической стороне сборника, хотя обилие опечаток и грубых ошибок – не очень прилично выглядят в издании «Института русской цивилизации». Издателям специальных томов по «Русской географии», «Русскому образу жизни» и «Русской науке» неплохо было бы подучиться... русской орфографии.

* Сокращённый вариант этой рецензии ранее публиковался в журнале *Пушкин* (2009. № 4. С. 85-96).

¹ Михаил Катков. Идеология охранительства / Составление, предисловие и комментарии Климаков Ю.В. Отв. ред. О.Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.

И всё же, не взирая на все огрехи издания, раньше я бы без колебаний сказал, что публикация сборника статей Каткова полезна, в том числе и потому, что без этой фигуры и его публицистики известный нам общественный и культурный ландшафт России последней трети XIX века неполон. Сейчас же мне представляется, что скоро весь общественный и интеллектуальный ландшафт России конца первого десятилетия XXI века будет переполнен исключительно Катковым и ему подобными деятелями. Леонтьева, Победоносцева, Столыпина, Ильина сегодня слишком много в нашей жизни и мысли. Охранительство, с его глашатаями и мифами, стало в России идеологическим мэйнстримом. Эффект дежавю при прочтении книги ощущается непрерывно.

Издателей сборника привлекает исключительно Катков-охранитель, Катков-державник, Катков-националист, короче говоря, поздний Катков 1860-1880-ых годов. Но зато творчество этого Каткова представлено в сборнике всесторонне: от вопросов экономики до вопросов внешней политики, от церковного устройства до польского вопроса, от проблем образования до проблем поэзии. Книга разбита на соответствующие тематические разделы: «Общественные язвы России», «Основы церковно-общественной жизни», «Задачи внешней политики» и т.д.

Ранний же Катков издателей сборника не интересует, не привлекает, и его литературное наследие либерального периода (1830-1850-ых годов) почти совсем отсутствует². Большинство опубликованных в сборнике текстов – статьи из журнала *Русский вестник* и передовицы из газеты *Московские ведомости* 1860-1880-ых годов. Эти издания были лицом официальной власти, проводниками и глашатаями правительственной политики и, во многом формировали её. «*Московские ведомости* стали ежедневным чтением Его Величества (Александра II – П.Р.)» – скромно констатирует Катков (с.730) в письме к Александру III.

Написанные на злобу дня, лаконичные, яркие, статьи представляют в совокупности энциклопедию охранительной идеологии. Составитель сборника разделяет с Катковым любовь к лозунгам и кратким броским формулировкам. Его передовицы в *Московских ведомостях* выходили без названий и подписи автора – и вот Ю.В.Климаков придумал для данной публикации звучные и энергичные названия, прекрасно выражающие дух и сущность этих статей. Например: «Важность для России истинно-национальной политики» или «Наше варварство – в нашей иностранной интеллигенции» или «Уважение нашей интеллигенции ко всякой доблести нерусской». Думаю, сам Михаил Никифорович вполне одобрил бы подобный шаг публикатора.

Если бы статьи были расположены в хронологическом порядке, то хотя бы отчасти стала ясна идейная эволюция публициста. Удивительно смотрятся те немногие статьи, помещённые в сборнике, которые относятся к раннему периоду

² Подобно тому, как современные охранители любят публиковать работы Льва Александровича Тихомирова, но, разумеется, не Тихомирова – одного из вождей и теоретиков «Народной Воли», а позднего, благонамеренного, Тихомирова – монархиста и националиста.

творчества Каткова. Они являют собой разительный контраст всему прочему и объёмом, и формой, и содержанием. Они рисуют нам совершенно другого автора. Катков – гегельянец, филолог, эстетик, – довольно поэтичен, терпим, созерцателен, основателен, местами даже глубок и оригинален. Читая эти статьи, не всегда знаешь, что встретишь на следующей странице. Здесь Катков ещё чувствует и даже робко отстаивает свободу – в стихе, в языке, в человеке, а порой даже не боится высказывать от собственного лица собственные мысли. Всего этого никак не скажешь о его статьях охранительного периода, составляющих девять десятых сборника. Там – уже не философия, не наука, и даже не литературная критика, а только идеология, политическая пропаганда: анонимная, безапелляционная, деспотическая по форме и содержанию.

Катков сегодня интересен, прежде всего, четырьмя аспектами своей личности и творчества. Во-первых, любопытен феномен его идейной эволюции: от умеренного и просвещённого либерала, друга Станкевича и Белинского, приятеля Герцена, Тургенева, Бакунина и Кольцова – к крайнему реакционеру, идеологу контрреформ. Во-вторых, своим огромным влиянием на общественную жизнь и правительственную политику 1860-1880-ых годов. В-третьих, Катков интересен и важен, как один из первых *прототалитарных идеологов*. В-четвёртых, его идейное наследие сегодня ценится и пропагандируется многими политиками, и потому его анализ интересен и важен для понимания не только двух прошлых столетий, но и современной ситуации.

От «гуманной либеральности» – к «истинно русскому взгляду» на мир

Вот как, нарочито скромно, описывает свою жизнь Катков в письме к Александру III (с.730): «Я не литератор, не журналист, не педагог, я – ничто в профессии. Моя молодость прошла в уединённых и сосредоточенных занятиях предметами умозрения, и никто не мог бы подумать, что мне суждена была тревожная политическая деятельность. Она началась для меня с началом минувшего царствования. Случайно открыл я издание сначала журнала, а потом политической газеты... Бог помог мне несколькими ударами сокрушить революционный призрак, носившийся тогда над Россией. Польское восстание, обнаружившее сеть интриги, которою была окутана Россия и её правительство, было новым для меня призывом. Бог помог мне изобличить интригу во всех её тайниках и возбудить в разлагавшемся обществе могучий дух патриотизма, перед которым отступила враждебная европейская коалиция и пал мятеж... Я поднял знамя государственного единства и русской национальной политики» против идей федерации народов.

Мессия, да и только! Скромный человек, погружённый в умозрение, «ничто в профессии», по зову Бога спасает Россию от стольких опасностей! Что же стоит за этой замечательной автобиографической характеристикой? От *Отечественных записок* – к *Московским ведомостям*, от Белинского – к Победоносцеву, от изучения гегелевской философии в кружке Станкевича и филологических изысканий – к созданию идеологии охранительства и «русской литературной полиции» (как именовал себя сам Михаил Никифорович), от англomanии – к русской великодержавности, таков путь этого либерального, умеренного и аккуратного Молчалина, ставшего на склоне лет воинствующим Скалозубом реакции.

Юность Каткова проходит под знаком занятий философией и филологией. Он переводит Гегеля, водит личное знакомство с Шеллингом, проповедует гегельянскую философию (конечно, в её консервативной трактовке), одним из первых в России начинает преподавать логику и психологию. В 1850-ые годы он становится редактором журнала *Русский вестник* и газеты *Московские ведомости*. В эти годы он пишет обширные статьи о Пушкине, Кольцове, Тургеневе, Достоевском, поддерживает крестьянскую реформу Александра II, призывая к умеренному и осторожному прогрессу.

Рождение Каткова – глашатая реакции относится к 1863-1864 годам. Именно в эти годы он стал широко известен в стране и в мире, как неистовый противник польского восстания, возглавивший и озвучивший патриотические настроения, давший идеологическое обеспечение русским карателям Муравьёва-Вешателя, уставившим Польшу виселицами и объяснивший, что это восстание – плод происков шляхты, ксендзов и часть международного заговора против России.

В эти годы Катков ещё пытается соединить консерватизм и прогрессизм, свободу и порядок, русское и общечеловеческое, либерализм и охранительство, доказывая, что «истинно-охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно-прогрессивным» (с.21). Поздний Катков уже бичует «либерализм», который «вошёл у нас в моду» (с.299). Если в статье 1862 года о романе *Отцы и дети* Катков ещё обращает внимание на нюансы и даже может позволить себе добродушно сказать об Аркадии Кирсанове: «Как он мил в своём нигилизме!» (с.619) и, вспоминая о своей юности, уточнить: «если не всякий юноша захочет узнать себя в Аркадии, то всякий переживший годы юности, смотря на него, припомнит их с умилением и улыбкой», сетуя лишь на то, что «гегелистов было далеко не так много, как теперь нигилистов», если, наконец, в 1862 году Катков ещё заявляет, что «и мы можем уважать искренность верования, в какой бы суровой форме оно ни выражалось» (с.630), то очень скоро от этого добродушия не останется и следа и на смену ему придёт лютая ненависть остепенившегося ретрограда к юным нигилистам. Он уже не будет более ни уважать чужое мнение, ни даже всерьёз его рассматривать и признавать его искренность. Место добродушной иронии займёт грубая брань.

Что заставило его из партии «золотой середины» перейти в партию «держаться и не пущать»? Что побудило оставить слова о свободе, прогрессе, человечности, покинуть англomанию (пусть самую умеренную), либерализм (пусть самый невинный) и размышления о литературе и обратиться к вопросам идеологии, борьбы с крамолой и к воспеванию величия Империи, и «русского смысла»? Возрастной консерватизм, страх перед усиливающимся революционным движением, карьерно-корыстные соображения? Как бы то ни было, факт перерождения либерально-западнического Савла в реакционно-националистического Павла налицо. Признавая, что с Герценом он «был довольно близок в молодости» и в 1859 году ещё встретился в Лондоне (с.330), Катков недоуменно отмечает, что Александр Иванович «остался всё тот же, каким был во времена своей юности» (с.331). Этого никак не скажешь о самом Михаиле Никифоровиче Каткове. Если ранний и даже «средний» Катков ещё призывает к европейскому пути развития России и к социальному прогрессу, надеется на рост самостоятельности и политической свободы, хвалит отмену крепостного права и введение судов присяжных, проповедует «просвещённый» патриотизм и общечеловеческие ценности, журит бюрократию и государственное порабощение церкви (впрочем, вполне невинно и благонамеренно, обставляя свою критику множеством оговорок), то у позднего Каткова почти всего этого нет и в помине. Теперь даже половинчатые преобразования эпохи Александра II кажутся ему чрезмерными и поспешными. Европа отныне – вредная фикция, свобода – опасная иллюзия, вокруг России и внутри неё – враги, государство – единственная истинная ценность. Слова «гуманность», «законная свобода», «либеральность», «друзья прогресса», «дело обновления и сближения народов», почти совсем исчезают из лексикона нашего публициста, сменяясь другими: «Верховная Власть», «долг присяги», «русский смысл». Восприятие оттенков и терпимость к инакомыслию исчезают без следа. Довольно типичное и поучительное зрелище: вчерашний либерал, ставший сегодняшним ретроградом (вспомним Победоносцева или Уварова). Он тем громче и яростнее протестует против «химеры» свободы, против «иллюзии» прогресса, что сам ещё недавно высказывался в их пользу.

Общественное движение развивалось и радикализировалось: от либеральных «людей сороковых годов» через «шестидесятников-нигилистов» к героям революционного народничества семидесятых... Катков тоже развивался – в обратном направлении. Если сначала он с пренебрежением полагал, что революционеры и оппозиционеры в России – горстка неучей, которая должна исчезнуть, как «утренний туман», то затем он уже вынужден признать, что почти все литераторы и учёные относятся к «антирусской партии». В 1862 году он ещё мог написать слова, которые рикошетом били по его собственной позиции десятилетие спустя: «Плохие те консерваторы, которые имеют своим лозунгом *status quo*, как бы ни было оно гнило... Им важно только знать, на какой стороне власть» (с.111).

Катков становится в старости идеологом реакции: проповедником русского национализма и держимордой в литературе. Его влияние в правящих кругах так возрастает, что князь Д.Иловайский именует его «как бы регулятором для русской печати». Даже апологет Каткова Ю.В.Климаков признаёт у него: «и чрезмерную резкость, и крайне искусственные обобщения фактов, а порой и предвзятость. (...) Известно, что по его требованию Тургенев был вынужден внести изменения в роман *Отцы и дети*, а Достоевский – переработать некоторые главы *Преступления и наказания*» (с.22), а Л.Н.Толстой и Н.С.Лесков разорвали с ним всякие отношения.

Помимо атак на «антипатриотическую интеллигенцию», важнейшей темой творчества Каткова становится образование. Он был тесно связан с крайним реакционером, министром народного просвещения печально известным графом Дмитрием Андреевичем Толстым, стремясь перевоспитать молодёжь, отвратив её от революционных идей. В январе 1868 года наш герой основал Лицей цесаревича Николая («Катковский Лицей»). Пик влияния Каткова приходится на период после 1 марта 1881 года. Как констатирует Ю.В.Климаков: «С воцарением Александра III голос Каткова был, наконец, с полным пониманием услышан на самом верху государственной власти. Именно ему и К.П.Победоносцеву принадлежит текст известного манифеста 29 апреля 1881 г., положившего конец затянувшейся петербургской смуте. В годы правления царя-мироотворца *Московские ведомости* приобрели такое влияние, с которым вынуждены были считаться уже все» (с.30). Влиятельная фигура при дворе, Катков в эти годы не просто транслировал идеи власти, как пропагандист режима, но генерировал смыслы и лозунги, творил мифы, направлял и вдохновлял политику правительственной реакции. По признанию Ю.В.Климакова: «Катков стал идеологом почти всех реформ Александра III (точнее, контрреформ – *П.Р.*)... "Положение об усиленной и чрезвычайной охране", "Положение о земских участковых начальниках" (...) разработка и принятие нового Университетского Устава 1884 г. и др.» (с.30) – иначе говоря: восстановление сословных перегородок в образовании, отмена автономии университетов, чрезвычайщина как постоянный метод управления страной, «второе издание крепостного права», отдавшее крестьян под контроль дворянских «земских начальников» – всё это, во многом, плод охранительного творчества Каткова, воплотившего в жизнь лозунг Победоносцева о необходимости «подморозить Россию».

Катков-публицист не слишком оригинален, но он довольно искренен; он не Бог весть какой мыслитель, но он яркий и самостоятельный журналист; он не прокладывает новые пути в философии, но удачно формулирует определённую позицию. Он – важная историческая фигура, глашатай контрреформ. К его наследию обращаются многие сегодня, заимствуя у него мысли и лозунги. Уже поэтому статьи Каткова заслуживают внимательного и вдумчивого чтения. Идеальный идеолог, хороший публицист, идейный реакционер, знающий ретроград, сознательный и воинствующий охранитель, в котором горячая любовь к начальству и

публицистический напор Булгарина соединились с уваровскими попытками построения идеологических конструкций. Книга статей Каткова, призванная издателями внести вклад в дело конструирования «русской национальной идеи» (самодержавно-православно-националистической), ярко представляет русское охранительство в его концентрированной и рафинированной форме.

Певец «долга присяги»

Центральная идея Каткова – апология самодержавия, воспевание абсолютистского (и абсолютного) государства как высшей ценности и единственного субъекта российской общественной жизни. Катков имел все основания писать о себе в письме к Александру III в 1884 г.: «Деятельность моя была государственной службой, но без жалования и наград и не в мундире» (с.731). В 1866 году, признаваясь в безграничной преданности престолу, он вдохновенно воспел «долг присяги»: «Честная, достойная своего имени политическая печать должна быть ничем иным, как постоянным, неуклонным и неослабным применением долга присяги, которая требует, чтобы всякий радел о нераздельных пользах престола и государства, и, не останавливаясь ни перед какими соображениями, противился всему, что может угрожать им опасностью или причинять им существенный вред. (...) Право публичного обсуждения государственных вопросов поняли мы как служение государственное во всей силе этого слова. (...) Этим и только этим объясняется то значение, которое приобрела наша деятельность» (сс.707-708).

Государство и народ есть нечто неразделимое, причём народу достаётся пассивная роль выполнять повеления государства, а государство отождествляется с «Верховной Властью», то есть с фигурой императора. Подобный взгляд исключает любую возможность противопоставления народа и государственной власти, общества и государя, любую возможность критики самодержавия и появления элементов общественной автономии и самоуправления. Катков не устаёт воспевать стабильность, основанную на всеобъемлющей полицейско-бюрократической опеке, централизации, искоренении любого инакомыслия, цензуре, регламентации, сословной иерархичности. Он, говоря словами Пушкина, славит «необходимость самовластья и прелести кнута», видя в них глубокую жизненность и органичность, специфически присущие России, будто бы не знавшей межсословных, межнациональных конфликтов и, тем более, столкновений между обществом и государством. Каткова страшит возможность «систематического разъединения Верховной власти с народом» (с.71), децентрализации России. Он взывает: «Более всего требуется, чтобы показала себя государственная власть России во всей непоколебленной силе своей, ничем не смущённая, не расстроенная,

вполне в себе уверенная. Боже сохрани нас от всяких ухищрений, изворотов, заискиваний, от всякой зависимости государства от каких-либо мнений. Власть государства не на мнениях основана, или её нет на деле, или она держится сама собой, независимо от мнений» (с.85).

Катков любил уподоблять страну армии, а власть – полководцу, который не может допустить, чтобы его солдаты рассуждали, и не должен «угождать» мнениям. В духе известного тезиса Петра I о том, что «полиция есть душа гражданства», публицист убеждён: «Отношения между людьми не могут оставаться вне государственного надзора» (с.89). Народ – верный слуга, вечный ребёнок, постоянный опекаемый; власть (бескорыстная, мудрая, стоящая выше всех партий и свободная от всех интересов) – вечный судья, опекун, взрослый, демиург. Поэтому: «в вопросах государственного свойства всё должно оцениваться с точки зрения государства» (с.90). Ибо: «Россия выросла и окрепла не мнениями, не большинством голосов, не интригой партий, вырывающих друг у друга власть, а исполнением священного долга, связующим воедино все сословия народа» (с.86).

«Именно в том-то и состоит характеристическое отличие прогресса в России, что он совершался исключительно самодержавной властью» (с.502), опирающейся на покорный народ. Потому что, уточняет Катков: «Ни один народ не содержит в себе такой силы охранительного начала, как русский» (с.392). Он категоричен: «Россия сильна именно тем, что народ её не отделяет себя от своего Государя... Не в этом ли душа и смысл всех проявлений народного чувства, обращённого к царскому престолу?» (с.84).

Государство – единый организм, в котором сословия и индивиды лишь клетки, в котором всякая инициатива исходит лишь от «Верховной власти», а всякая обратная связь с обществом исключается, – вот *sedeo* Каткова. И это – в бюрократической, дворянской, многонациональной и многоконфессиональной стране с телесными наказаниями для «неблагородных» сословий, ссылкой в Сибирь, повсеместной коррупцией, чудовищными налогами, дворцовыми интригами, миллионами гонимых сектантов и староверов, угнетёнными окраинами и омертвевшей казённой церковью, порабощённой государством! В стране, сотрясаемой конфликтами между крестьянами и помещиками, между интеллигенцией и государством, между национальными регионами и имперским центром. Если это индивидуальный миф одного человека – это его дело. Если этот миф внушается обществу, то такое внушение не может быть долгим – и тем страшнее (по контрасту) прозрение. Если же он внушается властью себе самой и навязывается обществу силой, то это неизбежно ведёт к деградации и дезориентации правителей и к взрыву общественного недовольства.

Итак, для Каткова: «С самодержавной властью Русского Государя неразрывно соединено самое существование России» (с.91). Все статьи сборника представляют собой монотонный гимн государству, самодержавию, как основополагающей ценности русской жизни. Споря со славянофильским антиэтатизмом, Михаил

Никифорович безоговорочно утверждает, что «противоположность между землёй и государством не выдерживает критики. Русская земля есть русское государство, и русское государство есть русская земля» (с.95).

Ничего не напоминает? Это уже почти муссолиниевское определение тоталитаризма: «ничего вне государства, вопреки государству, против государства; всё для государства, через государство и ради государства». Это не просто доморощенный византизм, татарщина и старый-добрый консерватизм. Это уже препарированный Гегель, гоббсовский Левиафан, современная «научная» аргументация, протототалитарная идеология, искусно использующая отдельные доводы и органической теории (государство – организм) и дарвинизма (борьба между государствами – закон природы). Цель: «крепче соединить народ с его Верховной властью» (с.140) – подчёркивает публицист. Если искоренить крамолу и отгородиться от Запада – заживём! Вы думаете, это карикатура на Каткова? Нет, это буквальное воспроизведение хода мысли Михаила Никифоровича. Вы думаете, это относится только к охранителям XIX века? Ну-ну.

«Истинно русский человек»

Культ самодержавного этатизма тесно связан у Каткова (как и у его предшественника Уварова) с идеологией русского национализма. При этом Михаил Никифорович отождествляет Россию с государственностью, любовь к родине – с повиновением начальству, христианство – с казённой церковью. Постоянно твердя о «русском чувстве», «русском смысле», «истинно русском взгляде на мир», «истинно русских людях», Катков объявляет верность самодержавию – главной и определяющей чертой «истинно русского человека». В других странах имеет место столкновение мнений, борьба партий, конфликт классов, «говорильни» (парламенты)... В России же – царит гармония власти и народа, правящих и подвластных, вечное спокойствие и единомыслие, никем (кроме внешних и внутренних врагов) не смущаемое. И в самом деле, вопрошает Катков: «В чём нам завидовать другим странам?» (с.503). Наша церковь – самая истинная, наша власть – самая прекрасная, наш народ – самый великий. «В этой безусловности власти, в этой независимости её и единстве с народом заключается величайшее политическое благо» (сс.503-504). Любимые эпитеты Каткова, которыми он характеризует «истинно русских людей»: «благомыслящий», «благонамеренный», «благонадёжный».

«Мы, разумеется, допускаем только одну точку зрения для оценок нашей общественной деятельности, точку зрения исключительно русскую» (с.355). Если имеет место «русское чувство» и «русский смысл», то Михаил Никифорович, по-

жалуй, готов признать даже и общественное мнение – когда оно единым хором славит государя и сплачивается вокруг трона для подавления посмевших восстать поляков. Он даже не против «независимого суда» – если только этот суд служит Высшей Власти императора и слепо выполняет его веления. Он даже не возражает против «свободы печати» – если деятели этой свободной печати осознали себя (как он) официальными чиновниками на службе у государства. Если же общественное мнение вдруг начинает оппонировать власти, если независимый суд оправдывает Веру Засулич, если независимая печать смеет порицать нравы Империи, то им немедленно отказывается в праве на «русскость» и на само существование!

Если в 1864 году Катков ещё мог отречься от «квасного патриотизма» и позволить себе заявить: «что мы, чувствуя себя в глубине души русскими, нераздельно с тем и также глубоко чувствуем свою связь с европейской цивилизацией», то очень скоро он объявит понятие о Европе вредной химерой: есть лишь вражеские государства, объединённые ненавистью против России. В 1883 году он горько сетует по поводу того, «как опутана и затруднена деятельность русского человека в русском смысле» (с.326) и, гневно отбросив идеи независимости печати и суда, возглашает: «Благонамеренность есть непременно условие всякой общественной деятельности, особенно политической» (с.321). А что есть благонамеренность – определяющая черта «русского чувства» и «русского смысла»? Катков отвечает вполне определённо: «патриотизм на русской почве должен проверять себя долгом русского верноподданного. Тот обманывает или себя или других, кто, выдавая себя за патриота в России, не полагает своего патриотизма прежде всего в сохранности верховных прав Русского Царя, неразрывно соединённых с государственной пользой и народным благом России» (с.322). Так уваровские принципы «народности» и «православия» окончательно растворяются во всеобъемлющем принципе «самодержавия». Для Каткова «истинно русский человек» – примерно то же, что для большевиков – «настоящий советский человек», а «антирусские элементы» – то же, что для большевиков – «антисоветчики».

Впрочем, в понятии «русский» Катков порой балансирует на грани политического (лояльность власти) и этнического (происхождение) смыслов, что облегчает ему задачу построения идеологических конструкций, но и приводит к неизбежным противоречиям. Он риторически вопрошает: «Может ли государство не признавать себя органом господствующей народности и не держать её знамени над всеми иноплеменными элементами, живущими под его державой?» (с.299). «Господствующая народность» – одно из излюбленных выражений нашего охранителя, как и «национальная церковь»: «Национальная Церковь в России есть Церковь православная, и никакая иная не может быть русским национальным уч-

реждением» (с.414)³. Все остальные части Империи, племена и народности должны исчезнуть и быть растворены в «господствующей народности», подчинены «национальной Церкви»: «Множество разнородных племён, населяющих наше Отечество, должны вполне, умственно и нравственно подчиниться русской народности, как подчинены они теперь Российскому государству» (с.571), просто потому, что русские сильнее всех, а, значит, одни имеют право на существование и доминирование. Катков презрительно говорит о забракованном историей польском народе, не сумевшем создать своё самодержавное государство: «Польский народ имел несчастную историю, из него не выработалось цельного организма; в нём не установилось единовластие, это необходимейшее условие для народа, предназначенного для самостоятельной государственной жизни» (с.313).

Правда, с точки зрения нынешних русских патриотов и охранителей – почитателей Каткова, у него было одно серьёзное упущение: он не был антисемитом, недооценил «еврейскую опасность» для русской державы (за что его мягко журит в предисловии составитель сборника – сс.29-30). Нет в мире совершенства! Зато остальные элементы имперского патриотизма и русского шовинизма мы у Каткова находим в полной мере: ненависть к полякам, высокомерное отношение к нерусским «племенам», отрицание любых федералистских тенденций в России (ибо «территория русского государства на всём своём протяжении запечатлена характером нераздельности и единства» (с.73)), обоснование гонений на униатов и католиков, проповедь имперской внешней политики... Катков, опечаленный «Великими реформами», мечтает о «возвращении прежнего обаяния государственной силы, которое Отечество наше имело как в глазах иностранцев, так и в нашем собственном мнении» (сс.299-300). Чего стоило это «обаяние» показывают как *Ревизор* и *Мёртвые души* или знаменитая книга де Кюстина, так и итоги Крымской войны!

Катков не устаёт восхвалять 1863 год, когда «русский народ возрождался к новой жизни» (с.188) (подавляя восставших поляков), подобно тому, как «русская армия возродилась в Чечне», по словам одного известного либерально-патриотического энергетика и нанотехнолога, сказанным спустя полтора века.

«Посреди этой борьбы, называемой жизнью и историей, все права относимы и все интересы односторонни... Жизнь и история покажут, чья сила сильнее, чьи права правее» (с.184) – таков почти социал-дарвинистский тезис, странно звучащий в устах «христианского» публициста (но вполне характерный для Н.Я.Данилевского и для других современных Каткову охранителей, более верующих в грубую мощь государства, чем в Бога). Кто же с кем меряется силой? Уж точно, не индивиды и, тем более, не классы и сословия. «Жизнь» для Каткова – это вечная

³ Сочетать в одном определении «русского» этничность и лояльность, согласовать имперскую идею интеграции всех народов вокруг одной идеологии с националистической идеей доминирования одной народности над другими – в этой «квадратуре круга» бьётся и доселе охранительно-патриотическая мысль.

«борьба за существование» государств, представляющих собой живые организмы и полностью поглощающих «свои» народы. Мифология ничуть не хуже, но и ничуть не лучше многих других. Для Каткова, отбросившего прочь не только юношеский гуманизм и общечеловеческий либерализм, но и христианский космополитизм, универсализм, вселенскую любовь, покаяние, свободу и братство и обратившегося к «языческому» национализму, государственному идолопоклонству и проповеди покорности перед кесарем: «поляку естественно отстаивать польское дело, а русскому естественно отстаивать русское дело» (с.185) и, как говорится, горе побеждённым! Поскольку, по убеждению Каткова, два государства (Речь Посполитая и Россия) не могут ужиться рядом, то, значит, всякому «истинно русскому человеку» надо участвовать в «истинно русском деле» порабощения и уничтожения Польши: «Пробудившийся патриотизм есть чистое золото, и грешно было бы не воспользоваться им» (с.136) – писал Катков в 1863 году. Распалёмую им в соотечественниках ксенофобию он характеризовал как «теперешний живой интерес к общему делу» (с.293) – делу карателей и палачей.

Всё очень просто, хотя бездушно и бесчеловечно. Идеология Каткова (как и тоталитарные идеологии XX века), базируется на культе власти, на ксенофобии, на релятивизме и редукционизме: сведении «России» к самодержавию, «русского дела» – к делу Империи, на отрицании возможности общезначимой истины, человеческого достоинства и общечеловеческого единства и на обожествлении одной ценности – Государства. Что русскому хорошо, то немцу смерть. Диалог между людьми и народами невозможен, личность невозможна (человек – лишь функция в Государстве), а есть лишь вечная борьба сил и государственных интересов, и кто в той борьбе побеждает, тот в данный момент прав. Завоевание новых земель и порабощение новых народов «составляет весь смысл и московского, и петербургского периода нашей истории» (с.74).

Защита «русского дела» провозглашается Михаилом Никифоровичем высшей и священной целью. Как же определяется им «русскость»? По крови, происхождению, языку? Нет. Инакомыслящие в России для него – никак не русские люди. По политической принадлежности к российскому подданству? Тоже нет! Скажем, поляки для него – враги по определению, как и другие «племена», ещё не растворившиеся до конца в «господствующей народности» и не склонившиеся перед «национальной церковью». Единственный, но тем более важный критерий «русскости» – полная покорность «Верховной Власти», строго обязательная для всех обитателей Империи. С подачи Каткова и ему подобных так понимаемая «русскость», стала главным понятием официальной идеологии и в том же смысле использовалась черносотенцами. По словам современных историков И.В.Карацубы, И.В.Курукина и Н.П.Соколова: «при Александре III слово "русский" теряет связь с культурными и вероисповедными качествами и становится исключительно политической характеристикой настолько, что никому уже не казалось странным, что "истинно русским" называют главного московского черносотенно-

го публициста Грингмута, ставшего после смерти Каткова редактором *Московских ведомостей*, или ялтинского градоначальника Думбадзе, отличавшегося особой полицейской свирепостью». Очевидно, что ничто не могло быть так губительно и самоубийственно для Российской Империи, как этот русский национализм, эта выдвинутая Катковым и проводимая в жизнь властями идея «Россия для русских». Объявление всех подданных России одной, а именно русской, нацией и насаждение среди них одного языка и одной веры не вызывало горячего энтузиазма у жителей Финляндии, Кавказа, Поволжья, Средней Азии, Польши, Прибалтики, Сибири, Украины, у униатов, католиков, мусульман, протестантов и староверов. Ведь народов, языков, вер в России было много. И это – не происки врагов, а реальность, как бы не была она печальна для русского националиста Каткова.

Однако, вопреки очевидности, идеолог твердит: «В России не могло бы возникнуть никаких внутренних недоразумений и опасностей, если бы всё, что живёт в ней, было одушевлено русским гражданским чувством и если б её политика постоянно следовала только тем побуждениям и идеям, которые из этого чувства почерпаются» (с.84). Иначе говоря, если обычное «гражданское чувство» связано с чувством человеческого достоинства, гражданского протеста, отстаивания своих прав, корпоративной солидарности, стыда за совершённые собственным государством злодеяния, то «русское гражданское чувство», по Каткову, всегда связано с безусловной покорностью человека государству и государю и принесением любых жертв на алтарь величия Государства.

Михаил Никифорович искренно недоумевает: «В каких видах Россия должна нарочно сделать Кавказ, которого каждый утёс облит русской кровью, чуждым для русского народа с государством?» (с.82). Это откровенная логика хищника, завоевателя, империалиста и государственника. Заменяем географические названия и можем сказать то же самое, например, о британцах и Индии, об испанцах и Перу, о немцах и Эльзасе. Катков так и формулирует: «Наконец, говоря вообще, мятеж везде мятеж, где бы он ни вспыхнул, в Польше, в Индии или в Венгрии. Кто призван подавлять его, тот должен исполнять свою обязанность и тем лучше исполнить её, чем скорее подавить мятеж» (с.296). Бескорыстная и трогательная солидарность Каткова со всеми жандармами народов и душителями свободы во имя государственного порядка напоминает блаженные времена «Священного Союза» монархов против своих народов и заставляет нашего публициста даже на миг забыть о взаимной вражде государств. Катков откровенно и простодушно заявляет: «Польский мятеж и польский вопрос – это две вещи совершенно различные, которые никак не могли бы смешиваться, если бы у нас было сильнее развито сознание долга» (с.296). Да, «сознание долга» (то есть «долга присяги» подданного перед Верховной Властью) – это, похоже, единственное сознание, которое может быть терпимо Катковым в «истинно русских людях».

Важной составной частью идей Каткова является проповедь гармонии между сословиями вообще и между крестьянами и помещиками, в частности. Здесь его мифотворческая фантазия заходит особенно далеко. Михаил Никифорович воспекает «единство двух коренных земских элементов» России (с.54): дворянства и крестьянства, единство порющих и поротых, господ и рабов, образованных и необразованных, единство наездника и загнанной им лошади. И вот что видит Катков своим просветлённым взором патриота: «Ничто так не радует нас, как появляющиеся признаки дружелюбных отношений и солидарности интересов между крестьянами и дворянами землевладельцами, несмотря на сословную организацию, которая ещё разделяет их, несмотря на запутанные счёты, которые они ещё ведут между собой» (с.398). Как деликатно сказано! Венцом «дружелюбных отношений и солидарности» между крестьянами и помещиками станет 1905 год. Но до того – покосы крестьянами барских лугов, выгон скота на барские пастбища, вырубки барских лесов, бунты, поджоги, порки целых сёл, тлеющее пламя взаимной ненависти. Однако Катков ничего этого не желает видеть.

Требуя за четверть века до Столыпина (также соединившего экономический либерализм и политический диктат с национализмом) упразднить крестьянскую общину с её круговой порукой, мирской сходкой, совместными переделами земли и взаимопомощью и ненавией «смутные идеи демократического социализма» народников, он был убеждён в том, что «наши землевладельцы» – «естественные защитники свободного сельского люда... представители его интересов, надёжные охранители земского мира» (с.399). Отеческий союз дворян-помещиков и крестьян так явственно рисуется мысленному взору Каткова! Единение, при котором, само собой, (как и при единении императора и народа) вся инициатива и власть останутся на стороне помещиков, а на стороне «освобождённых» крестьян по-прежнему останется повиновение своим вчерашним и завтрашним хозяевам. Как будто бы нет ни вопиющего безземелья крестьян, ни выкупных платежей, ни телесных наказаний для крестьян, ни земских начальников из дворян, надзирающих за общиной в интересах помещиков, ни сохранения в руках дворян пастбищ и лесов. Катков добивался – и успешно – передачи управления деревней в руки дворянства и порицал «несбыточное в политическом смысле требование равенства всех сословий по управлению земскими делами» (с.43).

Катков отрицал факт межсословной розни и ругал все политические партии, декларируя сугубую надпартийность самодержавия (и собственной позиции). Вспомним, что и его эпигоны из «Союза Русского Народа» и других черносотенных организаций категорически отрицали «партийность» – как вообще, так и свою собственную и настаивали на монолитной и органической природе русского самодержавия (что, разумеется, ничуть не мешало им на деле быть партией – партией крайней реакции).

По убеждению Каткова, беда крестьян не в помещичьем латифундистском землевладении (когда один процент населения страны владел половиной земель-

ных угодий), не в грабительских выкупных платежах, не в их отстранении от участия в общественной жизни, не в непосильных налогах, а... в сохранении общины: «Не в этих ли переделах коренится причина печального застоя в крестьянском хозяйстве и ничтожной производительности крестьянских земель?» (с.290). Катков требовал отменить «финансовую круговую поруку» в общине, расколоть и перессорить крестьянский «мир», становящийся всё более революционным, враждебным и неподконтрольным царю и помещикам.

Интеллигенты, студенты и другие «враги России»

Каткову почти всё нравится в России. Очень нравится самодержавие, нравится дворянство, нравится безгласный и согласный на всё народ, покорный самодержавию. Не нравится только интеллигенция с её либерализмом, нигилизмом, революционностью. По её адресу Катков не жалел своих стрел: образованные люди недостаточно (или как-то неправильно) образованы, мыслители мыслят не по-русски, а по-европейски, они оторваны от народа, увлекаются всем иноземным, служат интересам врагов России, смущают извечно царящую в ней гармонию между народом и Верховной Властью.

Конспирология – несущая конструкция идеологии охранительства Каткова. Вот как он рассуждает. Государь внесословен, внепартиен, мудр. Народ любит его. Дворянство заботится о крестьянах. Все народы сливаются в одной православленной русской нации. Так? А если не так? Если общество смеет пытаться влиять на власть и стремится к автономии от неё? Если крестьяне бунтуют против помещиков, если народ утрачивает покорность в отношении государя, если национальные регионы волнуются? Всего этого не существует в герметичном сознании нашего славного охранителя. Ведь предложенная им схема так логична, так самодостаточна! Но что-то всё же беспокоит его. Что-то идёт не так. Конспирологические кошмары мучают его, вторгаясь в идиллические грёзы о православии, самодержавии и народности.

Для Каткова единение народа и Верховной Власти, единение крестьян с дворянами, растворение всех народов в русском народе – единственная реальность и главная особенность России, а раздоры, брожение, восстания – нечто мнимое, порождённое злокозненными врагами. (Что тут мнимое, а что реальное, показал уже 1905 год.) Наш идеолог-охранитель твердит, как заклинание: «что нет мнимой розни в существенных интересах государства и общества, (...), что между основными стихиями нашей жизни нет и тени недоверия и несогласия, как нет ни малейшего основания к недоверию и несогласию между ними» (с.144). Польское восстание 1863-1864 годов и повсеместные волнения крестьян, восприняв-

ших «волю» 19 февраля 1861 года как обман и грабёж, деградация и глухое недовольство пореформенного дворянства, усиление либеральной и социалистической оппозиции, нигилисты шестидесятники и тысячи участников «хождения в народ» 1870-ых годов, – всё это для него фантом и происки внешних врагов.

Катков призывает «освободить Россию от революционного призрака» (с.99). «Между тем злоумышленная пропаганда не дремлет» (с.740), «по нашей оплошности закралась к нам враждебная смута» (с.96). Откуда закралась? Ясное дело, извне! «Польские агитаторы образовали у нас домашних революционеров» (с.187). По законам конспирологии и идеологии мир Каткова абсолютно чёрно-белый: есть «мы» и «они». С врагом не вступают в дискуссию, его просто уничтожают. В «недоброжелательстве» к России «все другие государства солидарны» (с.147). А «наши консерваторы и либералы разнятся между собой в частных интересах, в отвлечённых принципах, в своей фразеологии, но они легко и дружно сливаются в одну партию против всякого русского дела и русского мнения» (с.306). Для истинного конспиролога и идеолога ничто так не характерно, как логика: «весь мир против меня»: все враги (даже если они враждуют между собой) – имеют одну цель – погубить русское государство.

Разумеется, Катков не первый и не последний из отечественных охранителей отказывал в принадлежности к «русскому народу» всем инакомыслящим. Ещё поэт-славянофил Н.Н.Языков в стихотворении-доносе с характерным названием «К ненашим» (1844 г.) писал:

«Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все – не русский вы народ!»

(обращаясь к Чаадаеву, Грановскому и Герцену).

Но то, что у нервного поэта-патриота было вскриком души, то у публициста-идеолога Каткова превратилось в общее место. Так Герцен, по Каткову, «счёл себя причиной и силой, тогда как он был только последствием и орудием» (с.350). Опытный конспиролог редко договаривает всё до конца, и на вопрос: «чьим орудием?» может ответить любой проницательный читатель-патриот. Таким нехитрым, но эффективным способом все оппоненты режима и демонизируются и дискредитируются, а «истинно русские люди» получают возможность поупражнять свою бдительность, раскрывая заговоры.

Отождествляя общество и государство, крестьян и дворян, Катков избавляется от необходимости анализировать подлинные причины социальных конфликтов и рассматривать по существу позицию инакомыслящих, автоматически исключая из состава «русского народа» всех, выступающих против этого отождествления. Заговоры мерещатся ему повсюду: «Всё на свете имеет своих врагов... И устрица имеет своих врагов: может ли не иметь их такое громадное и могущественное государство, как Россия?» (с.67). Врагам России желательно «было бы

найти внутри России элементы разложения, которые могли бы привести её к смутам и распадению» (с.69). К несчастью Каткова, враг не дремлет, и крамола не умирает, вновь и вновь возрождаясь в новых обличьях. Маховик конспирологических фобий раскручивается. Характерное, широкое в своей зловещей неопределённости, любимое Михаилом Никифоровичем и его нынешними эпигонами выражение: «враги русского народа и люди, служащие им орудием» (с.409) – предельно расширительно толкуемое, до боли напоминает мне «кулаков и подкулачников» сталинской эпохи. Или вот ещё: «Итак, вот кто наши революционеры?... Это отъявленные враги своего Отечества, это друзья и пособники его врагов, это их создания и орудия» (с.373) – тоже что-то до боли напоминает.

Сам Ленин позавидовал бы умению Михаила Никифоровича виртуозно браниться по адресу политических оппонентов. Вот, например, он пишет о «тупоумных разглагольствованиях г.Огарёва и сценических вскрикиваниях г.Герцена» (с.340). Затем Катков сравнивает своего старого товарища Герцена со «старой блудницей, которая вышла плясать перед публикой» и «издали поджигает революционные страсти» (с.342) «Жалкий ломака», «одурение», «наш остряк», «наш фразеолог» – всё это о Герцене, в котором Каткова бесит всё: и его постоянство во взглядах, и его влияние на русское общество, и его революционный радикализм, и его независимость от цензуры, и его идеализм (которого он постичь не в силах, а потому объявляет «одурением»). Нет, но каково изящество слога!

«Долг присяги» и столь присущая русскому патриоту благонамеренность, заставляют его быть бдительным. Мания державного величия органично сочетается с манией преследования: «Работают не один, а несколько заговоров, которые взаимно друг друга обманывают, исполняя в совокупности план им самим неведомой главной крамолы» (с.92). Враги России всемогущи и адски изобретательны: «Студентам сверху предписывалось собираться на учредительные сходки, составлять петиции, сочинять себе конституцию, просто бунтовать» (с.92). Разумеется, сами собой, без происков и приказов врагов, русские студенты не имеют оснований и не способны ни бунтовать, ни собираться на сходки, ни писать петиции! Идеология «охранительства» здесь окончательно оказывается просто идеологией охранки. Цензура чересчур либеральна, жалуется бедный Катков, оттого в печати господствует «наглый обман». Нужна сильная власть, способная уничтожить всякое разномыслие и в самых невинных проявлениях обнаружить крамолу.

Любимым жанром Каткова является жанр политического доноса. Вот яркий пример. В 1863 году, рассуждая в очередной раз о «врагах России», тайно поддерживающих польское восстание, Катков проявляет просто чудеса благонамеренности в информировании начальства: «Возьмём для примера так называемые революционные манифестации. Дамы носят траур. Что тут по-видимому опасного? Отчего не смотреть на это сквозь пальцы? Так можно было спрашивать себя до восстания, когда было ещё хоть сколько-нибудь извинительно думать, что, допуская невинные манифестации, подобные ношению траура, мы служим делу

примирения национальностей. Но теперь, когда всем известно, какой смысл имеет этот траур, когда нет человека, который мог бы сомневаться, что траур носит с явной целью заявить сочувствие восстанию, теперь, смотря сквозь пальцы на ношение траура, не разрешаете ли вы, не одобряете ли вы сочувствия восстанию?» (с.294) Понятно, сколько пищи эта угрюм-бурчеевская логика могла дать для горького вдохновения, к примеру, Салтыкова-Щедрина!

Можно было бы посмеяться над конспирологическим бредом Каткова, свалившего в кучу всех оппонентов русского самодержавия, если бы не современные, расцветшие буйным цветом конспирологические трактовки русской истории. И, читая у Каткова о том, что «революционеры целого света сочли наше Отечество самым удобным местом для исполнения своих замыслов» (с.143), и потому «наши так называемые революционеры – это орудие в руках наших врагов» (с.371), невольно вспоминаешь современные попытки последователей Каткова свести всю высокую трагедию революций 1905-1907 и 1917-1921 годов к тому, что-де первая из них была устроена кучкой злодеев на японские деньги, а вторая устроена евреем Парвусом, давшим уже немецкие деньги Ленину и Троцкому. Мы хорошо помним и то, что советские диссиденты «были агентами ЦРУ», как и нынешние «несогласные». Впрочем, бывали среди них изредка и сумасшедшие... как Пётр Чаадаев или Владимир Буковский.

Враг внешний (Европа) порождает врага внутреннего (поляков, студентов, интеллигентов, сектантов, либералов и революционеров). Противопоставим этому сплочение вокруг Ленинского Центрального Комитета... пардон, вокруг трона, устроим покорность государству и бдительность против всякого инакомыслия, выкорчем любую крамолу – таков стандартный ответ на этот вызов державного государственника и патриотического охранителя, ставший за столетия рефлексивным, осевший в виде культурного кода в глубинах подсознания.

Огромный раздел сборника статей Каткова называется «Общественные язвы России». К числу их автор (и составитель сборника) относит отнюдь не деспотизм, не чудовищный бюрократизм, не полицейщину, не повсеместные телесные наказания и унижения человеческого достоинства, не вопиющее сословное неравенство, не безграмотность большинства населения, не нищету крестьянства и повторяющиеся в деревни эпидемии голода, не гонения на печать, не принудительную русификацию окраин, но (судя по заголовкам статей) «Либерализм и антипатриотизм интеллигенции» или «Нигилизм и революционное движение». Завершает раздел статья о пьянстве. Конечно, по сравнению с интеллигенцией, пьянство, в качестве «общественной язвы» России – сущий пустяк!

Чёрно-белое видение мира, присущее Каткову, исключает нюансы и компромиссы, достигает своего апогея в понятии о «национальной» и «антинациональной» партиях. Вот что он писал в программной статье 1880 года: «для людей антинациональной партии хорошо то, что ослабляет Россию в её государственном составе, что вносит смуту в её общественную жизнь: чем хуже, тем лучше

для этой партии. (...) Далеко не все носящие русское имя и к Православной Церкви приписанные люди могут быть относимы к национальной партии, наоборот, всякий политически честный русский подданный, какого бы то ни было племенного происхождения, принадлежит к национальной партии» (с.311). Но, увы, признает Катков, «наши учёные и литераторы большей частью или колеблются между обеими партиями, или же примыкают к партии антинациональной... Партия эта велика и многочисленна, сближает людей, не имеющих между собой ничего общего, кроме неприязни к русскому государству или к русскому народу, что одно и то же, – неприязни природной или благоприобретённой посредством обмана и смуты» (сс.311-312).

Антинациональная партия всемогуща и вездесуща: «Мы видим злых заговорщиков на местах влиятельных и ответственных и никто не поручится, чтоб и в сию минуту в рядах людей, призванных охранять спокойствие государства, не было тайных врагов его или пособников врагам» (сс.362-363), и потому бдительность – долг каждого благомыслящего истинно русского человека. Катков отказывает революционерам не только в принадлежности к русскому народу, но и в самостоятельности (они – марионетки «врагов России»), в искренности (они всегда врут). В них нет ни капли «русского смысла» и «русского чувства» (то есть чувства рабской покорности самодержавию). Всё революционное у нас (в отличие от всего реакционного и самодержавного) – искусственно, привнесено извне, навязано, придумано кем-то посторонним, враждебным, не может рассматриваться всерьёз. Так родители приписывают всё, что им не нравится в своих отпрысках, «дурному влиянию улицы» – зловердной, анонимной и всемогущей.

Характеризуя нигилизм, как «отрицательную религию», Катков пишет с тревогой: «С некоторых пор развилась у нас страсть, беспримерная и в наших собственных летописях, и в летописях целого мира, - страсть бранить, порицать и отрицать в себе всё, предавать в себе всё поруганию и осмеянию, всё в себе терзать и уничтожать» (с.389). При этом, разумеется, даже не ставится вопрос о том, что именно есть то прекрасное «всё наше», что отрицает нигилизм, и нет ли в этом «своём» чего-то, действительно дурного и заслуживающего отрицания и порицания. Куда легче и проще для идеолога объявить всё «наше» априорно прекрасным, а нигилизм иноземной заразой, «антирусским элементом» и «чужими идеями». В нигилизме он хочет видеть только невежество, догматизм, нетерпимость и разрушение. Как говорил Жванецкий, это раньше в дискуссии надо было хотя бы выслушивать противника, – сейчас достаточно его разглядывать!

Образ друга: русский народ – необразованный, но мудрый, всегда молчащий, но определённо выражающий этим молчанием горячую любовь к трону (по словам Галича: «сколько раз мы молчали по-разному, но не против, конечно, а за») и свидетельствующий этим молчанием о наличии у него в полной мере «русского чувства», и «русского смысла». Катков продолжает идеологическое «хождение в народ» самодержавия, начатое уваровской доктриной «официальной народно-

сти»: «Мы можем с полным убеждением и чувством достоинства признать, что нигде в народе нет столько духа и силы веры, как в нашем» (с.300). «Чего же не достаёт нам? Народу нашему не достаёт достойной его интеллигенции» (с.504) – такой же терпеливой, безгласной, покорной и покладистой, как сам народ, а не нынешней – льющей воду на мельницу «врагов России». Эта-то «интеллигенция и есть наша язва, от которой мы должны во что бы то ни стало освободиться; это-то и есть фальшивое образование, которым мы страдаем, живя чужим умом и на всё своё смотря чужими глазами» (с.503) (Как известно, все мечты Каткова: и уничтожение интеллигенции, и разрушение общины смогли осуществить лишь большевики, применив запредельную дозу насилия).

Оппоненты для Каткова всегда – или злодеи или идиоты, причём злодеи манипулируют «этими жалкими жертвами своей глупости и чужого обмана» (с.189). Он так прямо и заявляет: «Слава Богу, в нашем народе не оказывается иных революционных элементов, кроме людей, которые незаметными переходами приближаются либо к дому сумасшедших, либо к притону для мошенников» (с.380). К примеру, для Герцена «оказалось довольно разыгравшейся бессмыслицы и идиотизма, пустившегося мыслить, и невежества, принявшего поучать, и безмозглой мечтательности, схватившейся за дело» (с.341), а по поводу бакунинской прокламации Катков уверен, что: «Нельзя и на минуту допустить, чтобы человек, написавший это воззвание, был искренним и сам верил дикому сумбуру своих слов» (с.368). Эта простая и удобная в обращении картина мира всегда избавляет нашего охранителя от необходимости полемики по существу (Разве можно спорить по существу с идиотами? Или со злодеями? Или с заведомыми врагами России?) и позволяет создать незатейливый и демонический образ всемогущего врага: мировая закулиса (злодеи) и русская оппозиция (дураки), революционеры (злодеи) и молодёжь (идиоты). Катков щедрой рукой рассыпает конспирологические намёки и обвинения. Так, нарисовав в одной статье образ Бакунина («натура сухая и чёрствая, ум пустой и бесплодно возбуждённый» (с.364) и т.д.), Михаил Никифорович таинственно-многозначительно замечает: «Вот главнокомандующий нашей революции. Да откуда же, наконец, берёт он деньги, чтобы делать революцию?» (с.367). Ясное дело, откуда!

Охранителям – что в XIX веке, что в XXI веке, никак не хватало фантазии, чтобы представить себе как внутренние причины революций, так и способность людей организовываться и действовать, исходя из внутренних убеждений, а не по приказу свыше. Немудрено: ведь личность, истина, свобода, идеалы просто не существуют в их системе координат.

Если учесть масштабы вселенского заговора против России, рисуемого Катковым, то нетрудно понять, какое мужество требовалось от русского охранителя для геройской борьбы с этим заговором. Он часто сетует на то, что «русскому публицисту было бы легче, безопаснее и привольнее действовать во всяком другом, только не в русском государственном интересе: так ещё странно поставлено

в России её национальное дело» (с.704-705). В этом «антирусском образованном обществе» почему-то считается постыдным донос по адресу крамольников и признание в любви к самодержавию, удивляется и негодует наш публицист: «говорят, что в борьбе с нашими противниками мы неразборчивы и прибегаем даже к доносам». Но необходимо лишь «смотреть на всё в свете русских интересов» (с.705), и тогда подлость и лизоблюдство предстанут актами отваги и высокого героизма. «Служить национальному и государственному делу в России в настоящее время дело нелёгкое» (с.323), – жалобно сетует Катков в 1882 году и, без ложного стеснения, сравнивает самого себя... с Сократом, на суде Афин потребовавшим себе содержание от полиса. Впрочем, отвага этого «охранительного Сократа» весьма специфического рода. Катков мужественно нападает на... политэмигрантов (Герцена и Бакунина), отважно выступает против деспотизма... общественного мнения, смело критикует... гонимого Писарева и набрасывается на сосланного в Сибирь Чернышевского, имея за спиной у себя «всего лишь» жандармов и государственную полицию. Выслуживание Михаила Никифоровича Каткова перед тронem и площадная брань в адрес революционеров преподносятся им как акт героизма. Какое мужество: пойти против общественного мнения... вместе с мнением всемогущей власти! Какой героизм – апеллировать к ксенофобским чувствам обывателя, рассыпая бездоказательные и безнаказанные намёки на «тёмные силы», стоящие за нигилистами, интеллигентами, студентами! Это мужество под стать мужеству травителей Пастернака и Бродского, эта отвага под стать холуйской отваге официальных гонителей ссыльного Сахарова и эмигранта Солженицына!

Неудивительно, что Катков, отождествив Россию и самодержавие, затем отождествляет себя и Россию: ругая его, враги ругают всё русское: «Не к нам лично относится ненависть, но вообще к русскому человеку, к русской мысли, к русскому чувству, получившему голос» через его издание (с.361).

Три основных элемента, составляющие катковскую охранительную идеологию: этатизм, национализм и конспирология – тесно связаны между собой, дополняя друг друга. Ведь что может мобилизовать «общество» вокруг власти? Патриотизм, образ врага, безмерная националистическая лесть и безмерное запугивание формируют у подданных психологию осаждённой крепости и народа-богоносца. Представлять «периферийную Империю», полуколониальную Россию (зависящую от английского и от французского капитала, что, кстати, признаёт и сам Катков), вершиной цивилизации, осью мировой политики, островком стабильности среди бушующего моря революции, объектом ненависти со стороны всего человечества (как всё это знакомо, не правда ли?) – конечно, льстит национальному самолюбию и, уводя от реальности, заставляет на время забыть о собственных недостатках, противоречиях, конфликтах. Но реальность – то в облики бесславно проигранной войны, то в виде грандиозной революции – властно врывается и опрокидывает идеологическую мишуру охранительства. Катков

гневно протестует против «этого духа народного самоотрицания и самоуничтожения» (с.389), господствующего в русской литературе и представленного, надо думать, Гоголем и Щедриным. Он противопоставляет этому дух народного самоутверждения и самовосхваления – в стиле известного изречения николаевского шефа жандармов А.Х.Бенкендорфа о том, что прошлое России прекрасно, настоящее – великолепно, а будущее превосходит все ожидания. Долой зловредных сатириков и да здравствуют гимны в честь русской державы! Мы – самые великие, самые правильные, всегда во всём правы, и потому все хотят нас погубить и «внести смуту в наши дела, поколебать и расстроить их» (с.149). Поэтому напрасно мы, уверен Катков, подчиняемся чужим мнениям, «связываем свои действия каким-то международным правом» и признаём за собой компетенцию Европы» (с.300). Россию невозможно «подморозить» и загипнотизировать монологом власти, не отгородившись Железным Занавесом вовне и не положив конец вражеским голосам – эта мечта не нова, важна для идеологии охранительства и, как и многие другие мечты Каткова, была воплощена в жизнь лишь большевистским тоталитаризмом.

Глашатай контрреформ

Звёздный час Каткова – эпоха Александра III – позволил ему детализировать свои идеи и приступить к их практическому воплощению в жизнь. Теперь он не стеснялся в осуждении реформ покойного Александра II и в предостережениях в адрес его сына, благосклонно внимавшего его призывам. Земства, автономные университеты, независимые суды, светские начальные школы вызывали ожесточённую критику со стороны Каткова, как опасные нововведения, подрывавшие всевластие и неделимость самодержавия. К восшествию на престол будущего «Царя-Миротворца» Катков из боязливого реформатора стал воинствующим глашатаем идеи полицейской опеки над обществом, воплощённой в жизнь в России в последние два десятилетия XIX столетия. Он жалуется, что при Александре II «кесарево не воздавалось в должной мере кесарю» (с.98), общество распустилось, а власть ослабела: «новые учреждения, слишком быстро следовавшие одно за другим... во многом неразумно сфабрикованы по чужим лекалам, а потому они внесли с собой массу представлений, которые не имеют почвы и лишены смысла в России» (с.318). С конца 1860-ых годов, по его словам: «Началось печальное время антирусской реакции; дух в обществе упал, и к началу нового десятилетия снова овладело им растление», «когда в России бесновались испорченные молодые люди, сами не зная чего от неё требуя и какому делу служа» (с.с.673-674).

Катков призывает государство выкорчевать всё, что шевелится и высовывается, уничтожить все ростки общественной автономии и самодеятельности, насадить стабильность, неизменность, национализм, сословность, унификацию, централизацию и цензуру. Он так красноречиво объясняет подданным их права и свободы: «Толкуют о свободе печати, но не все отдают себе ясный отчёт в том, что разуметь под этой свободой... (...) Может ли правительство оставлять уличное слово без контроля и отдавать малых, слабых и тёмных людей во власть всякому речистому шарлатану?» (с.88). «Может ли общественная деятельность политического свойства, какова печать, не находится в обязательном отношении к государству?» (с.321). Конечно, нет!

К этой вдохновенной апологии полицейской цензуры Катков прибавляет проповедь огосударствления университетов: «Сообразно ли с чем-нибудь отдавать, например, высшее образование страны, а с тем вместе и судьбы её отборного юношества на произвол замкнутых в себе и самопополняющихся коллегий?» (с.89). Нет!

Не забывает Катков и об уничтожении независимости судов. Он разъяснял: «Суд есть власть, но всякая власть в государстве должна находиться в строжайшей зависимости от Верховной власти, ей и только ей служить орудием и лишь в этом служении видеть своё призвание» (с.319). В общем, система полутоталитарных идей, развиваемых Катковым, выливалась в политику контрреформ и неизбежно вела... к революции.

Особое внимание уделял Михаил Никифорович Катков системе начального, среднего и высшего образования, поддерживая министра народного просвещения графа Дмитрия Толстого. По мнению историка В.Л.Степанова: «Сотрудничество Каткова и Толстого оказалось весьма плодотворным. Они великолепно дополняли друг друга. Реакция *Московских ведомостей* превратилась в настоящий штаб при подготовке учебной реформы» (с.27). Цель мероприятий в области просвещения, предлагаемых Катковым: прекращение «крамолы» в университетах, восстановление сословных перегородок в образовании, воспитание благонамеренных подданных. Катков констатировал, что: «Наше образование, поверхностное и подражательное, не вносит света в нашу жизнь и способно только возмущать её» (с.504). Основные предлагаемые им меры были таковы: преобладание древних языков в гимназиях (способствующих зубрёжке, покорности, дисциплине и «концентрации» гимназистов, по изящному выражению Каткова), сокращение числа студентов и ограничение доступа молодёжи в университеты (через запрет на приём в них выпускников реальных училищ), тотальная регламентация университетской жизни и активное внедрение в преподавание патриотической идеологии, русификация системы образования в Польше, отмена академических свобод и элементов самоуправления в университетах, передача начальной школы в руки церкви.

Михаил Никифорович вопрошал: «Может ли быть сомнение, что наша первоначальная школа должна главным образом находиться в руках духовенства?» (с.327) Долой земские светские школы и да здравствуют школы церковно-приходские, готовящие полуграмотных, но благонамеренных подданных! Ведь: «Начальная школа должна и оставаться при начале. Научить детей читать, писать, считать и начаткам учения Православной Церкви, вот основная задача церковно-приходских школ» (с.526). Государству опасны чересчур образованные и чересчур думающие подданные. Славя духовные семинарии: «силу старого дисциплинирующего ум учения, которое так неосмотрительно заменили винегретом разных сведений» (с.527), охранитель ворчит: «Но изобрели «клерикализм», у Церкви отняли школу; а между тем развилось «хождение в народ», чтобы учить его уму-разуму» (с.524). Вывод ясен: учить народ уму-разуму снова должна церковь, и «хождение в народ» потерпит неудачу.

Однако главное внимание уделяет Катков университетам: «Что такое студенты и какие могут быть у них права? (...) Каким же образом могут студенты составлять независимое организованное сословие, пользоваться самоуправлением и хозяйничать в доме, где они гости?» (с.381). Не «гость», а хозяин в университетах, как и повсюду в России, может быть только один: Верховная Власть. Студентам требуется опека со стороны государства, усиление регламентации, пресечение всех вольностей, и тогда-то, мечтает Катков, среди студентов: «сами собой прекратятся всякие толки о кухмистерских, корпорациях, «землячествах», сходках и скандалах» (с.465). Вердикт его категоричен: «Самоуправление (то есть бесконтрольное подчинение учащегося юношества произволу и интригам профессорских коллегий) привело университеты к самоуничтожению» (с.467). И только полное искоренение самоуправления возродит университеты и вернёт их под государственный контроль! Ведь «наши университеты суть заведения правительственные, преподаватели их состоят на государственной службе и на казённом содержании» (с.471). Какие уж тут «коллегии» и сходки? «Всё обязательное, всякая власть в государстве может быть предоставляема только государственным органам» (с.472). Михаил Никифорович решительно требовал полной регламентации и бюрократизации всей жизни университетов (от содержания курсов до формы экзаменов), поднятия ценза для поступления в них и ратовал за патриотический характер преподавания в университете: «Следовало бы предполагать, что правительство обязывает преподавателей преподавать, а слушателей слушать патриотические и православные доктрины» (с.476). Необходимо ввести «надзор за студентами и их ограждение от вредных влияний», чтобы «поразить смуту в одном из главнейших своих источников» (сс.718-719), писал Катков Александру III.

Не обошёл Катков вниманием и церковные вопросы. Здесь, пожалуй, его юношеский либерализм был наиболее глубоким и продолжительным. Конечно, идеология охранительства отразилась и на этой стороне воззрений Каткова: в виде

призывов покровительствовать одной «государственной церкви» и преследовать униатов, католиков и сектантов, вернуть в руки церкви начальное образование народа. Но при этом Катков выступал за развитие церковной самостоятельности, за уменьшение государственной опеки над ней и уничтожение кастовости духовного сословия. Катков подчёркивал: «Если же правительство считает себя обязанным заботиться о национальном учреждении, каким признаётся Православная Церковь в России, то оно ни в коем случае не несёт на себе обязанности давать силу и власть всяким другим религиозным учреждениям, не имеющим национального значения» (с.413). Вывод, печальный для католиков, протестантов, мусульман, и староверов.

Вместе с тем Катков обличал недостатки духовенства: его потомственный характер, обязательность брака для священников, их слабую образованность и неразвитость традиции проповедничества в церкви, выступал за участие прихожан в выборах священников и сожалел о том, что «пастыри Церкви» «без предварительной цензуры не могут молвить живого слова к своей пастве», с грустью констатируя: «Церковь Христова, которая всякому духовному творчеству посредственно или непосредственно даёт начало, у нас превратилась в полицейский институт» (с.416), «в хорошо выработанный бюрократический механизм» (с.423). Катков утверждал, что «ересебоязнь» в церкви «останавливает и мертвит всякую деятельность, расслабляет и убивает мыслительные способности» (с.426). Неожиданное признание в устах охранителя! Признание, показывающее, что даже идеологи – всё-таки отчасти люди, а значит, не лишены внутренних противоречий и способности к размышлению. Катков выступал (в отличие от Победоносцева) осторожным глашатаем церковного обновленчества, полагая, что: «Действительно, освобождение Церкви есть теперь у нас необходимость для государства» (с.422), поскольку «чем более Церковь, как и всякое духовное дело, опирается на силу ей внешнего, тем более бездействует она внутренне» (с.422)⁴. Он призывал преодолеть повсеместное отчуждение народа от омертвелой казённой церкви: «надобно, чтобы Церковь оживилась и начала действовать в свойственном ей духе, а для этого надобно, чтобы система механизма дала место духовному началу свободы и жизни» (с.424). Он даже вопрошал: «Не выразился ли в расколе протест раздражённой совести, отстаивающей свою свободу против принудительного авторитета, в котором ей чувствовалось нечто чуждое православию?» (с.443). Такое впечатление, что эти страницы писал какой-то другой человек (скажем, либеральнейший Владимир Соловьёв или полуанархист Алексей Хомяков), а вовсе не свирепый гонитель свободы и не самозабвенный певец самодержавного произвола!

Впрочем, всё это не мешает Каткову рекомендовать, рядом с маленьким «пряником» для староверов, огромный «кнут» для католиков. Если оставить в стороне патриотическую риторiku, то мысль проста: нельзя уравнивать в правах като-

⁴ К сожалению, эту логику он не прилагал к университету или печати.

ликов с православными и допускать переход православных в иные конфессии. Униатов Катков не удостаивает признанием в качестве особой конфессии, как и украинцев он отказывается считать отдельным народом (сс.202-204). Неразрывно отождествляя Россию и православие, Катков, вместе с тем, иезуитски стремится разделить «польскость» и католицизм: «в настоящее время особенно чувствуется необходимость разобщить эти два элемента, национально-польский и религиозно-католический», которые вместе «образуют самый вредный в нашем государственном составе элемент» (с.448), чтобы тем легче деморализовать и русифицировать поляков и «оправославить» католиков. Вот рассуждение – не скажу: истинного христианина, – но уж точно истинно государственного человека! В общем, итог взглядов Каткова на церковные дела всё же далёк от либерального вольнодумства: «В целом мире должны мы охранять честь, достоинство и величие нашей Церкви. (...) Ни в чём не должны мы уступать ни католическим державам, ни папе; им ни в чём не должны уступать мы ни на Западе, ни на Востоке. Папского нунция мы не должны принимать» (с.453). Как это напоминает современный панический ужас православной общественности перед одной перспективой приезда в Россию римского папы! Такое же восприятие религии, как орудия государственного влияния, такой же беспросветный и языческий национализм, такая же внутренняя неуверенность в себе и ненависть к иному!

На фоне ярких статей Каткова, обличающих крамолу, обосновывающих контрреформы и намечающих преобразования в системе образования, его статьи о внешней политике и экономике довольно скудны мыслями. Что до международных вопросов, то здесь речь идёт обыкновенно о величии России, о её бесчисленных врагах, желающих ей погибели и о необходимости ещё сильнее сплотиться вокруг престола и дать всем отпор. Пафос великодержавный и конспирологический заменяет Каткову серьёзный анализ международных отношений. Он восклицает: «Ничего не может быть забавнее возгласов о завоевательности России, которые так часто слышатся во Франции и в Германии» (с.150), хотя застенчиво замечает: «судьбы истории так решили, что Польское и Русское государства не могли стоять рядом» (с.151). А потому: «может ли быть сомнение в миролюбивом направлении русской политики?» (с.153)

В политике – как внутренней, так и внешней, – для Михаила Никифоровича нет места ни христианским, ни человеческим чувствам: цель оправдывает средства, «слабое государство, не способное ни обороняться, ни управляться, не жалуют, а презирают и добивают» (с.154) Во внешней политике наш патриот проповедует жёсткий прагматизм, отказ от любых постоянных союзов, стремление к доминированию на Балканах и среди славян: «Мнение же наше таково: для России нет надобности вступать в договорные условия с какой бы то ни было державой, так как Россия не имеет намерения предпринимать активную политику» (с.165), достаточно удержать уже захваченное. Эти идеи и воплотились во внеш-

ней политике «Царя-Миротворца». Но, в основном, осмысление международных вопросов подменяется трескучими фразами и лозунгами.

Экономическая программа, проповедуемая Катковым состоит в следующем: разрушение крестьянской общины, развитие частной собственности на землю, борьба с засильем иностранцев в промышленности, протекционистские меры в экономике и... бурное развитие нефтяной отрасли. Катков, распространяя свой национализм и конспирологизм на сферу экономики, обличал «алчность иностранной спекуляции, умеющей закрепить за собой и русские богатства и русский труд» (с.206). Он прозорливо называл нефть – «продуктом, который мог бы стать нашей монополией и много содействовал бы подъёму производительных сил страны» (с.206). Тут он как в воду глядел, высказав в 1884 году, задолго до Путина, идею превращения России в «нефтяную сверхдержаву». По убеждению Каткова, иноземцы хотят захватить нашу нефть, подчинить «русский народный труд», уничтожить наше заветное самодержавие и насадить у нас своё отвратительное самоуправление. А потому России необходима индустриализация и ограждение своей промышленности от иностранных конкурентов.

Многие горькие констатации Каткова совершенно справедливы: «вместо покровительства отечественной промышленности и народному труду является покровительство иностранной промышленности», «Россия кормит хлебом Европу, и в той же России население часто страдает от голода, когда рядом с голодающими местностями находятся громадные хлебные запасы» (с.211). Наконец, по его признанию, «нигде естественные богатства страны не эксплуатируются столь непроизводительно, как в России» (с.213). Причины этого наш охранитель желает видеть, однако, лишь в происках иностранцев. Картина народных бедствий и народного угнетения не смущает его идиллического представления о гармонии между народом и самодержавной властью.

Пионер идеологии и предтеча тоталитаризма

До сих пор я говорил в основном о содержании идей Каткова. Не менее важным и существенным, однако, представляется сам стиль его мышления. Название сборника статей дано составителем вполне удачно и точно: *Идеология охранительства*. Именно «идеология» (а не теория, не философия и т.д), и именно «охранительства» (а не консерватизма и пр.), ибо это именно реакция в полном смысле слова – реакция самодержавного государства на последствия реформ Александра II и на освободительное движение. И само слово «идеолог», и то, что это слово выражает, только нарождалось в XIX веке и полного расцвета достигло лишь в веке XX-ом: веке телевидения, тоталитаризма, массового общества. Од-

нако все главные признаки «идеолога» – прагматичного, циничного, подчёркнуто обезличенного, не знающего сомнений, не познающего мир, а конструирующего его для эффективной манипуляции сознанием общества, поклоняющегося логике доминирования, а не истине, – у Каткова налицо.

Характерны некоторые детали. Например, нарочитое подчёркивание Катковым своей анонимности, функциональности, едва ли не ничтожности, принципиальный отказ от употребления «Я» – всегда «мы». Например: «Я был ничто, но вниманием и доверием Государя из ничего было создано нечто, нечто значительное по своему действию» (с.731). И ещё: «Нам довелось быть из первых серьёзных органов силы, которой на Руси никогда не бывало и которая явилась только теперь» (с.706). Что же это за сила? «Россия стоит тысячу лет, но русские государственные интересы никогда не были предметом публичного обсуждения с их собственной точки зрения» (с.706). И вот Катков – точно определяя своё место в истории – впервые озвучивает, систематизирует, формулирует, обосновывает современными теориями и перекладывает на популярный язык лозунгов позицию государства, выходя на ристалище общественного мнения. Это и есть идеальное описание кредо идеолога. Михаил Никифорович настойчиво выбрасывает всё человеческое, всё персональное и живое и назойливо подчёркивает: «мы» – ничто, «мы» – функция, орудие; главное – дело, которому «мы» служим, интересы трона и государства, которые «мы» отстаиваем. Катков не философ, не частное лицо, ищущее ответы на «проклятые вопросы». Все ответы у него уже есть в кармане, одобренные начальством. Поэтому «ничего личного!» – только официальное, только казённое. Даже когда он вынужден говорить лично о себе, Катков скрывается за этим пресловутым «мы»: «мы знали его недолго, но близко» или «мы неожиданно получили от него письмо» (это о своих непростых взаимоотношениях с Бакуниным). По признанию Каткова, он «избегает, по своему обычаю, местоимения Я» (с.305). Идеология не знает, не признаёт личности вообще – в том числе и в идеологе.

Не случайно при самодержавной власти не только издавались собрания сочинений Каткова, но и выходили тематические сборники: *О дворянстве, О печати, О самодержавии и конституции*, которые выполняли такую же – идеологическую! – функцию промывки мозгов и расстановки идейных ориентиров, как и аналогичные тематические сборники классиков при большевиках (*Ленин о религии и атеизме, Сталин о вопросах языкознания* и т.д.). Вполне можно сказать, что газета *Московские ведомости* и её катковские передовицы были в Российской Империи примерно тем же, чем газета *Правда* и её передовицы были в СССР (с неизбежной поправкой на то, что, достигнутая в ходе «культурной революции» поголовная грамотность резко расширила возможности соответствующего оболванивания населения). Катков стал одним из первых официозных идеологов. Сегодня идеологи и политтехнологи вполне могут смотреться в этого своего патриарха, как в зеркало.

На одних штыках и голом насилии над обществом невозможно усидеть никакой власти – тем паче в «просвещённые» времена. Как бы насильственна и искусственна ни была созданная Петром на крови и костях подданных Петербургская Империя, в XIX веке она уже нуждалась в своей мифологии, в хоть какой-то опоре на хоть какое-то общественное мнение, в хоть какой-то легитимации. И вот Катков (вслед за Уваровым и вместе с Победоносцевым) выполняет эту важную функцию – выработки имперской идентичности, формулировки идеологии, легитимирующей режим «вовне» и «внутри» для борьбы с инакомыслием, для мобилизации вокруг трона части общества. Делалось это без творческих горений и утончённых изысков, но довольно эффективно. Но здесь же таилась опасность: созданные для удовлетворения её нужд идеологические клише окончательно изолировали самодержавную власть от реальности, способствуя приятным самообманам, деградации и утере контроля над ситуацией (что стало очевидным почти для всех – только не для самого самодержавия – в первые же годы XX века).

Идеология должна быть предельно простой, энергично сформулированной, принципиально исключаящей рефлексии своих предпосылок, чёрно-белой, не связанной конкретным содержанием и отмечающей все иные точки зрения как заведомо враждебные. Всё это, как мы убедились, в полной мере есть у Каткова. Его тексты талантливо сочетают в себе то агитки, то доносы, то наборы лозунгов, способных эффективно давать указания, указывать на врагов и мобилизовывать сторонников вокруг предлагаемого незатейливого набора ответов на все вопросы жизни. Каждая страница книги пестрит бесконечно повторяющимися заклинаниями, вколачиваемыми в сознание читателя и формирующими определённое смысловое поле: «Верховная Власть», «охранительные начала», «истинно русский человек», «русский смысл». Как всякая идеология, катковская прежде всего формирует «образ врага» (вездесущего, коварного, многоликого, таинственного и такого, о котором в конечном счёте ясно одно – он против Верховной Власти) и «образ себя» (уникальной, великой, всегда во всём правой, монолитной и гармоничной Российской Державы), не снисходя до утончённости и многоцветности. Цели Каткова, как всякого идеолога: манипуляция, мобилизация, утрашение, лесть, разжигание в читателе ненависти к «иному» и гордости за «своё». Всякая критика и возражения воспринимаются как нападение на устои России. Только монолитное единство, только безусловная покорность «Верховной Власти», только неразмышляющая ненависть к любому инакомыслию, вражда ко всему иноземному – вот пафос всех его статей. Тотальное упрощение, редукция, наряду с биполярной картиной мира – важная черта идеологии – присуща построениям Каткова. Так, народ, Россия редуцируются к культу Государства и маркируются как «истинно русский смысл», а вся многоцветная палитра иных точек зрения редуцируются и маркируются, соответственно, как «антирусские силы».

Ещё одна черта идеолога, роднящая Каткова с современными «политтехнологами» – это крайний прагматизм, в погоне за эффективностью доходящий до отрицания всякого «идеального начала», всякой содержательной определённости, аннигилирующей в звучных лозунгах, который не верит ни во что, кроме грубой силы, редуцирует «добро» до государственной пользы и релятивизирует «истину» до государственных интересов. Катков, конечно, считал либо идиотами, либо «агентами влияния» чужих государств всех этих интеллигентов, либералов, нигилистов, верящих в социализм, свободу, человеческое достоинство, европейские ценности и тем демонстрирующих, говоря его словами, своё «интеллигентское варварство». Для «национального мнения», откровенно писал наш охранитель, «не имеет никакой цены то, что может казаться красивым в отвлечённом представлении, для него имеет цену только то, что требуется пользой страны. Что не полезно, то оно отменяет, как вредное» (с.315), никогда не связывая себя ни с какими идеалами и всегда стремясь к эффективности и доминированию. В статьях Каткова нет ни попыток диалога, ни жажды найти «всеединую истину» (столь присущей В.С.Соловьёву), ни даже желания объявить русский народ «всечеловечески отзывчивым» и потому вобравшим в себя всю правду бытия (в духе «почвенничества» Достоевского).

Эта свобода от конкретности, любого содержания, скрывающегося за лозунгами, позволяющая резко менять политику государства без изменения идеологии, равно как и многие другие черты катковских построений, позволяет говорить о Каткове, как о предшественнике тоталитарной идеологии XX века. Крайняя расплывчатость и неопределённость лозунгов, «образа врага» и «образа себя» позволяет тоталитарному государству и его идеологам ничем не ограничивать себя, вкладывая в оболочку идеологии каждый раз новое содержание, так поворачивая «генеральную линию партии», что подданные будут «колебаться» вместе с ней, не замечая и не осознавая этих колебаний. (Пред)тоталитарная идеология никогда не обременена твёрдым ядром идей и установок: за энергичной оболочкой фраз отсутствует сердцевина, каждый раз новая, в зависимости от нужд момента – и подданным государства вменяется в обязанность верить то в одно, то в другое, – в зависимости от нужд дня. Вечным остаётся одно: вера в непогрешимость Власти и готовность подданных ей слепо повиноваться.

Ещё одна особенность Каткова-идеолога – его любовь непременно ругать разом и «либералов», и «консерваторов», равно ненавистных ему своей «непрактичной» идейной убеждёностью. Так, в СССР любили в любом деле находить «правый» и «левый» уклоны от генеральной линии и, заклеив оба, показывать их глубинное вредительское тождество.

Важной чертой тоталитарного идеолога является как его подчёркнутая анонимность, так и его полная несвобода в той сфере, где свобода и личностное отношение, казалось бы, неизбежны – в эстетических вопросах, – и тотальная политизация сферы эстетического. Если сравнить статьи раннего Каткова, Каткова-

либерала, о Пушкине (когда он позволял себе проповедовать полную свободу художника) с его же поздними статьями о нём (и о Достоевском, о Тургеневе), мы увидим это явственно. В статье 1856 года разговор о Пушкине был для публициста хорошим поводом поговорить о языке, смысле искусства и пр., а в 1880 году – это лишь повод для очередного идеологического залпа из всех орудий. Пушкин здесь – только автор антипольского стихотворения «К клеветникам России» («В поэзии Пушкина найдём мы источники чистейшего патриотизма» (с.610)), который оказывается под пером Каткова врагом интеллигенции и революции и «охранителем», принадлежащим к «русской партии». Разумеется, Катков скромно умалчивает не только о «Гаврилиаде», но и о «Медном всаднике» или «К Чаадаеву».

Идеолог – эклектик по преимуществу. Для идеологического винегрета сойдёт всё: фразы о православной вере, ошметки гегелевской философии, почвеннические и славянофильские концепты, социал-дарвинистские идеи. Как и другие российские «охранители» второй половины XIX века (кроме, быть может, К.Н.Леонтьева), Катков причудливо совмещает в своих идеологических конструкциях государственный прагматизм, доходящий до крайнего цинизма, с незатейливым, но небезопасным мифотворчеством. Государственное благо – это Абсолютная Ценность, величие Империи и государственный интерес – оправдают любые преступления и жертвы. Но, чем более перед лицом этой единственной ценности охранительской идеологии релятивизировались все прочие ценности и идеалы (истина, свобода, культура, личность, честь, человечность), чем прагматичнее и циничнее становилась эта идеология, тем сакральнее, возвышеннее и мистичнее становилось само понятие о «государственном интересе». «Идеалы» полностью подчинены интересам, точнее, одному интересу – интересу Молоха-Самодержавия, Верховной Власти (как всегда почтительно, с большой буквы угодно было писать Каткову). Но тем этот интерес становился ненасытнее, ослепляя самих идеологов. Поэтому идеология охранителей (что в XIX веке, что в XXI) – вовсе не «реалистичный» взгляд на мир, а всего лишь «идеологический», уводящий идеологов в выстроенную ими бесчеловечную реальность (по словам Галича, «В этом мире – ни слов, ни сути, в этом мире – ни слёз, ни крови! А уж наши с тобою судьбы не играют и вовсе роли!») и устремляющий тотальное Государство к неизбежному саморазрушению. Как все идеологии (то есть формы «ложного сознания», по Карлу Марксу и Карлу Мангейму), эта идеология гипнотизирует и ослепляет не только тех, на кого направлены её магические заклинания, но и самого идеолога и его покровителей.

Безудержный национализм, всеядная идейная эклектика, бесклассовая тотальность народа, растворённого в государстве-организме, культ абсолютной Власти, уничтожение любой оппозиции, единственная казённая Церковь и единственная казённая идеология, осуществляющая диктат над жизнью, унификация, вечный поиск врагов и заговоров, имперская внешняя политика, стремление отгородить-

ся от мира крепкой стеной и «подморозить» собственную страну, регламентация всей жизни подданных, патернализм, культ силы и иерархии, недопущение «мнений» и «партий», кроме одной дозволенной, сословное строение общества, насаждение полицейщины, цензуры и доношительства, уничтожение в зародыше всех очагов общественной автономии – это ещё не Муссолини, не Ленин и не Гитлер, это ещё даже не Столыпин и не «Союз Русского Народа»... но как-то уж очень во многом их напоминает (с поправкой на более «вегетарианский» XIX век). Катков описывал такое состояние общества, «когда жизнь во всех своих отправлениях подчиняется государственной необходимости, когда общественные силы не могут самопроизвольно действовать, когда никакое народное начало не может само по себе иметь значения и когда за всё отвечает безразличная по существу своему правительственная сила» (с.297). Именно такое состояние спустя полвека назовут тоталитаризмом. Катков проповедовал: «Если жизнь в своих основных силах почему-либо не имеет самостоятельного развития, то государство тем ревностнее должно охранять её всеми средствами» (с.297). Нашему охранителю почему-то не приходила в голову несложная мысль, что, чем «ревностнее» государство «охраняет жизнь» и подменяет её, тем более последняя «почему-либо не имеет самостоятельного развития»: между этими двумя процессами существует прямая связь.

Плоды «охранительства»

Идеология охранительства – это причудливое сочетание мифов и действительности. Например, оппозиционность интеллигенции самодержавию – реальность, а особая любовь крестьян к Верховной Власти – гипотеза (чтобы не сказать: «выдумка»), но на смешении этой реальности и этой гипотезы базируются катковские постулаты. При Александре III они стали руководством к действию для властей: «Министры советовались со мною (...) иностранные политики принуждены были считаться со мной. Моё имя стало равносильно политической программе» (с.731), констатирует Михаил Никифорович. К чему же привела Империю последовательная реализация этой программы?

В эпоху роста национального самосознания «малых народов» Империи, обострения классовых антагонизмов и растущего стремления общества к свободе, проповедовать будто бы специфически присущую России вековую гармонию между всеми народами (для Каткова являющимися лишь частями русского народа), вековую гармонию между дворянами и крестьянами (то есть полную покорность крестьян и всевластие дворян), вековую гармонию между «Верховной Властью» и обществом (подразумевающую отождествление общества с Империей) – как

минимум, нелепо и глупо. Эта охранительная идеология может на время усыпить страну (как, по словам Блока в поэме «Возмездие», злой колдун Победоносцев «усыпил» Россию своими чарами), но такой сон не может быть долгим, а пробуждение к реальности не может не быть катастрофическим.

Идеологемы Каткова, проводимые в жизнь правителями России конца XIX и начала XXI века, узнаваемы, как узнаваемы старые грабли, на которые вновь и вновь наступают власть имущие. Великорусский шовинизм, конспирологическая паранойя, тотальная опека «вертикали власти» над «горизонталью общества», ужесточение централизации и цензуры, чрезвычайщина, как метод управления страной, имперская внешняя политика, насаждение казённой церкви, «изъятие из обращения» недовольных, разгром земств и печати, введение осадного положения в городах, гонения на студентов и интеллигентов, уничтожение крестьянской общины и стремление атомизировать общество, преследования поляков, евреев, финнов, униатов, католиков, сосредоточение всей власти в руках двух процентов населения (дворян и чиновников), вкупе с успокоительными речами о всеобщей гармонии и происках врагов России, в стране с нищающим и голодающим крестьянством и доведённым до крайности пролетариатом, не могли не привести и привели к 1905 и 1917 году. Лимит на реакцию, загоняющую социальные проблемы внутрь и затыкающую рот всем несогласным, был полностью исчерпан – и режим расплатился за всё. Аграрный, рабочий, национальный вопросы, недовольство студенчества, земской интеллигенции, населения окраин, соединившись вместе, привели к колоссальному тектоническому взрыву, надолго (но не навсегда!) положившему конец «охранительным» иллюзиям.

Однако катковская «идеология охранительства», вкупе с идеализацией «Царя-Миротворца» Александра III (вспетого ныне в «Сибирском цирюльнике»), философа Ивана Ильина и главного специалиста по «подмораживанию России» Константина Победоносцева, предлагаются сегодня как панацея от всех бед. Конечно, такая «зачистка» страны – куда проще, чем генерирование новых смыслов и новых духовных импульсов. Эта логика жандармов и конспирологов, что в позапрошлом, что в нынешнем веках, вполне естественна и органична для власть имущих, ничему не научившихся за эти два столетия.

Катков, похоже, сумел внушить императорам России убеждение, что русский народ и в самом деле любит государя и лишь искушаем ненавистной интеллигенцией, являющейся агентом влияния Европы. Степень адекватности этих представлений действительности императорской власти предстояло увидеть через пару десятилетий. Сегодня мы снова можем полюбоваться на катковскую идеологию охранительства во всей её первозданной и незамутнённой красе. И подобно тому, как она демонстрирует самоубийственную слепоту и творческое бесплодие контрреформ (можно «усыпить» Россию, учинив гонения на университеты, земства, печать, инородцев и интеллигентов, но невозможно ни полностью отгородиться от внешнего мира, ни восстановить в полном объёме крепостное право и

петровскую рекрутчину), точно также сегодняшние охранители могут «подморозить» Россию, воспевать милые их сердцу самодержавие и сталинизм, разоблачать заговоры «врагов России», укреплять «вертикаль власти» и апеллировать к ксенофобским инстинктам населения, – но ни вернуть романовскую Империю или Империю большевистскую, ни восстановить тоталитаризм в полном объёме, ни отвоевать ушедшие из СССР республики, они уже не могут...

P.S.: В знаменитой сказке Салтыкова-Щедрина два генерала-дегенерата, попав на необитаемый остров, развлекаются чтением *Московских ведомостей* Каткова. Эта газета им была хорошо знакома в качестве духовной пищи и ранее, в Петербурге. Вряд ли они вообще читали что-то иное.